

**Конференции, семинары,
круглые столы**

**СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА
И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ**

Круглый стол. Санкт-Петербург, 15 октября 2015 г.

Е.Л. ВАЛИКОВ, О.Ю. МАЛИНОВА

В НИУ «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург в рамках IV ежегодной научной конференции «Октябрьские чтения-2015» состоялся круглый стол, организованный Департаментом прикладной политологии НИУ ВШЭ – СПб и Исследовательским комитетом Российской ассоциации политической науки (РАПН) по изучению идей и идеологий в публичной сфере.

В заседании приняли участие видные историки, политологи, социологи, философы из Москвы и Петербурга, других научных центров России.

Тематика политического символизма особенно актуальна в связи с нынешними политическими конфликтами, отношением к этим конфликтам российской общественности. Уничтожение памятников доисламских времен в Сирии и Ираке, как и уничтожение советских памятников на Украине, не могут оставить равнодушным. В России так же продолжается достаточно острая общественная дискуссия по вопросам трактовки собственной истории, отношению к памятникам, датам этой истории.

Обсуждение открыло выступление *О.Ю. Малиновой* (ИНИОН РАН, почетный президент РАПН), в котором было отмечено быстрое развитие исследований многообразных пересечений политики и основных социальных проекций прошлого в настоящее – истории и коллективной памяти. Это проявляется не только в росте количества публикаций, но и в появлении новых ракурсов такого рода исследований: если первоначально данная проблематика изучалась главным образом в контексте нацистроительства, то в конце XX в. в поле внимания оказались также вопросы, связанные с травматической памятью и «восстановлением справедливости» в процессе политических трансформаций; во многих случаях встала проблема «неудобного» – преступного или этически небезупречного прошлого. Однако, по мнению выступавшей, это постоянно расширяющееся поле весьма атеоретично: разрабатывающие его исследователи редко стремятся к обобщению и упорядочению производимого ими знания (даже полноценные историографические обзоры являются редкостью). Это – следствие, с одной стороны, междисциплинарности, а с другой – расплывчатости понятийного аппарата. Малинова высказала предположение, что более строгая методологическая рефлексия возможна при условии постепенной специализации данного исследовательского поля и встраивания его

в теоретические подходы, разрабатываемые отдельными социальными и гуманитарными науками. В частности, для политической науки одна из возможностей – изучение практик политического использования прошлого как составляющей символической политики.

Проблематику исторической памяти как общепринятых представлений о прошлом, транслируемых в публичное пространство, *Г.Л. Тульчинский* (НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург) охарактеризовал как вызов для политической науки. Это связано с самой природой коллективной исторической памяти, в которой можно выделить три уровня наррации: уровень фактов, свидетельств; уровень их «монтажа», выявления корреляций, зависимостей, попыток установления каузальности и других детерминаций, отвечающих на вопрос «почему?»; и уровень увязывания собственно нарратива «замыслов», мотиваций и прочих финально-телеологических интерпретаций, отвечающих на вопрос «зачем?» Выстраиваемая и транслируемая медиа, системой образования, культурными индустриями мифология образует «большую реальность», чем сама реальность, делающая реальность реальностью, потому что эта система смыслов определяет понимание и интерпретацию не только происходящего, но и прошлого и будущего. Более того, сама историческая наука активно вовлекается в это мифотворчество: как отбор фактов, так и их соотношением (включая количественные методы), и, тем более, интерпретациями третьего уровня. Ситуация усложняется обилием фактологии, посредуемой современными информационно-коммуникативными технологиями, включая web 2.0, web 3.0. Тем самым в символической политике выстраивается не только и не столько система приоритетов интерпретаций, сколько определенная картина мира и его осмысления. Реализуется это посредством практически любых феноменов и артефактов социальной жизни при двух условиях: (А) они становятся предметом публичного дискурса – прежде всего в СМИ, и (В) эти обсуждения связываются с решением проблем сегодняшнего дня. В этот процесс втягивается не только настоящее и представления о прошлом, но и возникающие на этой основе образы будущего. Это не только открывает широкий простор пропаганде, вовлечению в нее научных сообществ, но ставит вопрос о содержании и границах этосов этих сообществ.

А.М. Семенов (НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург) вспомнил, что в 2004 г. тема памяти была темой года в журнале “*Ab Imperio*”, и это рассматривалось как знак существенных изменений в методологии исторического знания. Собственно, они были начаты уже литературой, посвященной изобретению традиций. Но именно исследования памяти в полной мере продемонстрировали поворот от социальной истории к культурной, помогли этому направлению обрести лицо. Отправной точкой был проект Пьера Нора, в рамках которого историю Франции пытались рассказать так, как если бы это были истории многих Франций. Память децентрирует исторического субъекта, позволяет увидеть прошлое в разнообразии,

не сводя его к институтам. Уже тогда у этого проекта были критики: “Ab Imperio” опубликовал разгромную рецензию Тони Джадта.

И.И. Курилла (Европейский ун-т в Санкт-Петербурге) согласился, что интерес к памяти изменил многое. К началу XXI в. казалось, что проблематика политической истории «умерла». Однако она вернулась под новым углом, через конструктивистский подход – исследования идентификации и «борьбу за идентичность». Это действительно несло методологическое обновление. Вместе с тем оборотной стороной этой тенденции был релятивизм, связанный с постмодернизмом. И здесь проблематика памяти и исторической травмы оказалась хорошим противоядием. Кроме того, большой размах приобрело то, что можно назвать публичной историей – музеи, трансляция исторического знания, работа с историческим сознанием общества.

По мнению **В.В. Костюшева** (НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург), социальное конструирование прошлого – процесс перманентный и даже необходимый для понимания настоящего и возможного будущего. В этой связи **Ю.Г. Чернышов** (Алтайский гос. ун-т, Барнаул) отметил, что работа историка в условиях активной политизации прошлого может служить оружием против ослепляющего потока пропаганды. **Е.И. Зеленев** (НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург) обратил внимание на недостаточное знание образованной публикой литературы на неевропейских языках, и в частности – на интерпретацию прошлого и будущего в мусульманских странах. Вместе с тем он предостерег от переписывания истории и подчеркнул опасность потерять позицию исторического знания как такового. В условиях опасности углубляющейся глобальной информационной войны смыслов, если отдельные индивиды сами не «заботятся о своей памяти», то они обречены на то, чтобы оказаться встроенными в коллективную память, навязываемую им извне (в том числе недобросовестными «историками» и «политологами»).

С.В. Акопов (НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург) напомнил, что коллективная память является элементом политической идентификации индивидов, наряду с представлениями о «мы», значимых «других» и вариантами «позиционирования в политическом пространстве». Как писала А. Ассманн, «мы – это собственно во многом то, что мы забыли или еще помним». В этой связи отмечаются два момента: теоретико-эвристический и практико-персонологический. Первое – это возможность использования трактовки коллективной памяти для выявления разных моделей идентификации индивидов с макрополитическими сообществами (национальной, цивилизационной, космополитической и транснациональной...) Второй аспект – практическая необходимость актуализации концепции «заботы о себе» М. Фуко.

По мнению **А.О. Зиновьева** (Санкт-Петербургский гос. ун-т) понятие «политика памяти» более удачно, нежели «историческая политика»; оно включает и политическое использование прошлого. «Символическую

политику» (в значении politics) же можно считать еще более широким термином. Однако, по мнению выступавшего, это понятие не стоит использовать в значении policy – для этого есть более удачное понятие «идеологическая власть», предложенное Майклом Манном.

Т. Тетеревлева [Северный (Арктический) гос. ун-т, Архангельск] рассказала об опыте исследования памяти поморов, продемонстрировавшем наличие разных памятей и разных идентичностей, в борьбе за которые участвует не только государство, но и различные религиозные и политические группы.

Как показала дискуссия, любая интерпретация фактов вызывает к жизни определенные идеологически нагруженные мифы, односторонне искаженно трактуя факты. И тут встает другой вопрос: как, защитив себя от одной агрессивной символической политики, не стать жертвой другой? Участники круглого стола пришли к мнению, что ответ может быть связан с систематическим образованием и критическим мышлением, представлением различных точек зрения на исторические события и их оценкой в ходе дискуссии и обсуждения конкретных фактов. Прежде всего, это относится к среднему и высшему образованию, где анализ интерпретаций фактов должен производиться с акцентом на способы аргументации, используемой в интерпретациях.

Память подразумевает забвение. С исследованиями памяти в историю приходит проблематика молчащего большинства: реконструируется то, что забыто. По сути, историки здесь ведут борьбу на два фронта: с одной стороны, им приходится напоминать о фактах, критикуя интерпретации, расходящиеся с источниками, а с другой – исследовать историю как альтернативу современности. История становится критической генеалогией будущего. Это позволяет не закрывать горизонт.

Малоизученными являются и возможности исследования современных практик символической политики, близких практикам гомеопатической и контагиозной магии: от стикеров и переодеваний до масштабных событий и реконструкций, когда достаточно купить или получить некий символ, чтобы приобщиться к «сакральному» времени, стать частью «сакрального» целого.

Повышенный интерес участников круглого стола вызвала и тема морального выбора, научного этоса и самоопределения историков, социологов и других гуманитариев, участвующих в презентациях и обсуждениях прошлого.

Участники круглого стола поддержали предложение организаторов продолжить начатое обсуждение в рамках серии семинаров, итогом которых могут стать публикации в ежегоднике «Символическая политика», журнале «Публичная политика» и иных изданиях.